

СВЯЗЬ ТИПА ДЕРИВАЦИИ И ХАРАКТЕРА КОННОТАЦИИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА В РУССКОМ ПРОСТОРЕЧИИ XVIII ВЕКА

В статье дан сравнительный анализ семантических и морфемных дериватов русского просторечия XVIII в. Определение сниженного стилистического характера слова для этого периода представляет значительную трудность, поскольку словарные пометы и реальное употребление слова в речи не всегда совпадают, о чем свидетельствуют художественные тексты столетия, а также формулировки словарных статей. Кроме того, к приметам просторечия относится использование некоторых способов словообразования. На основе материала словарей установлено, что производные лексические единицы демонстрируют зависимость характера коннотации (негативной или позитивной) от типа деривации.

Ключевые слова: русское просторечие XVIII в., коннотация, семантическая деривация, морфемная деривация, зооморфная метафора.

Складывавшиеся в русском языке XVIII в. общенациональные нормы не только обозначили направления сознательного реформирования письменной и устной речи образованной части общества, но и выявили некоторые тенденции развития различных уровней языка, в том числе его деривационной системы. К началу XVIII столетия словообразовательная система активно использовала не только морфемную, но и семантическую деривацию, в частности метафору, что способствовало созданию единиц с ярко выраженным оценочным характером. Это, в свою очередь, влияло на их стилистический статус: подобные дериваты чаще всего характеризуются в лексикографических источниках столетия как сниженные — просторечные или простонародные.

Отметим, что понятие *просторечие* применительно к языку указанного периода требует уточнения. Данный термин возник как универбат на базе словосочетания *простая речь*, которое было противопоставлено *красной* (т. е. украшенной) *речи*. Фактически просторечие данного периода — это широкий пласт той лексики, на базе которой формировалась русская разговорная речь в составе литературного языка. В связи с этим в состав просторечия нередко зачислялись слова, называвшие бытовые реалии, типа *лунка*, что было отмечено Ю. С. Сорокиным [1, с. 100]. Не случайно словарные пометы, использовавшиеся лексикографами XVIII столетия, вызывают немало вопросов у современных исследователей. Так, зооморфная метафора в целом ряде случаев в «Словаре Академии Российской» [2] не сопровождается указанием на сниженный характер производной единицы, хотя в словарных статьях содержатся явные признаки оценки, например:

ворона — *разиня, зевака, человек нерасторопной* [2, т. 1, с. 853];

CORRELATION OF A TYPE OF DERIVATION AND NATURE OF CONNOTATION OF A DERIVATIVE WORD IN RUSSIAN COLLOQUIAL LANGUAGE OF THE 18th CENTURY

The article gives a comparative analysis of the semantic and morphemic derivatives of the Russian vernacular of the 18th century. The definition of the substandard stylistic nature of the word for this period is a significant difficulty, since the vocabulary and the actual use of a word in speech do not always coincide, as evidenced by the literary texts of the century, as well as the wording of dictionary entries. In addition, signs of colloquialism are the use of certain methods of word formation. Based on the material of dictionaries, it was found that derivative lexical units demonstrate the dependence of the nature of connotation (negative or positive) on the type of derivation.

Keywords: Russian colloquial language of the 18th century, connotation, semantic derivation, morphemic derivation, zoomorphic metaphor.

осел, ослица — *называют также уподобительно ленивых, непонятных, неповоротливых* [2, т. 4, с. 646].

Обращение к текстам XVIII в. позволяет увидеть еще одну проблему: некоторые оценочные единицы, которые широко использовались в просторечии, вообще не зафиксированы в лексикографических источниках. Так, у существительного *скот* не указано переносное значение, нет, естественно, и никаких стилистических помет или помет, свидетельствующих о наличии оценки. Более того, единственный приведенный в словаре пример использования данной единицы в речи связан с библейским текстом. Указанное существительное представлено в обширном гнезде родственных слов, ни одно из которых не отмечено как сниженное или оценочное, хотя негативная характеристика действий, признаков и состояний, называемых лексемами с корнем *скот-*, в текстах словарных статей наличествует [2, т. 5, с. 494–496]. Кроме того, обращение к речевой практике столетия, воплощенной, например, в текстах комедий, свидетельствует о наличии у него яркой негативной коннотации и использовании в качестве бранного слова:

Г-жа Простакова. А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет, другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься? [3, с. 227].

Аналогичный случай обнаруживаем и у слов *ишак, ишачок, ишачий*, которые в «Словаре Академии Российской» связаны исключительно с названием животного [2, т. 3, с. 322–323], тогда как в текстах фиксируется использование данных слов для называния глупого, недалекого человека [4, т. 9, с. 176].

Интересно, однако, то, что лексикографы XVIII столетия нередко отмечают сниженный характер у оценочных морфемных дериватов, созданных при помощи суффиксации:

Свинья, (просто) умал. *свинка*, *свиночка* [2, т. 5, с. 357];

Собака, умал. *собачка*, *уничужит. собачонка* [2, т. 5, с. 317–318].

Пометы, впрочем, и в таких случаях используются крайне не последовательно не только в словарях столетия, но и в современном «Словаре русского языка XVIII века». Их нет, например, в следующих случаях, хотя приведенные данным словарем примеры, взятые из художественных произведений, явно свидетельствуют о наличии оценочного характера у морфемных дериватов, созданных на основе существительного *заяц*:

Зайчишка и зайчишко, а, м. И Нѣчто бѣлое увидя Перед собою впереди Сочел то молодым зайчишком, Или другим каким звѣрчишком. Ослв. Енеида IV 75;

Зайюшка, и, м. Лисица говорит, ну зайюшка домой Ступай; а это дом вѣдь мой. Ржевск. СЧ 586. Пѣсни, означающія долговременное замужество, суть: Заяюшка ковыляюшка, Накорытѣ я сижу, корысти гляжу и пр. Сат. в. VII 49 [4, вып. 8, с. 144–145].

Морфемная деривация используется в просторечии XVIII в. для создания оценочных существительных как с негативной, так и с положительной коннотацией. К этому времени уже сформирован инвентарь основных аффиксальных морфем, которые дифференцируют оценку. Так, суффиксы *-ик-*, *-ишк-*, *-ок-*, *-очк-*, *-ушк-* используются в процессе образования слова с уменьшительно-ласкательным значением, а для создания негативной (чаще уничижительной) коннотации используются такие морфемы, как *-ищ-*, *-ух-*. Впрочем, у аффиксов, применяющихся для создания негативно окрашенной лексической единицы, в языке столетия нет такой тесной связи с оценкой, которая наличествует в мелиоративных образованиях. Так, суффикс *-ищ-* используется для образования слов с размерно-оценочным значением, эмоциональной окраски у такого слова может и не появиться, как, например, в следующих случаях:

Зайчище, а, м. [4, вып. 8, с. 144–145], коровища [4, вып. 10, с. 178–179].

Отсутствие последовательности в использовании помет может быть объяснено двумя причинами: во-первых, отсутствием стройной стилистической теории, а во-вторых, и думается, что это главное, незавершенностью процессов формирования нового русского литературного языка. Не случайно весь XVIII в. проходит под знаком дискуссий о том, каким должен быть этот язык, что можно и чего не следует использовать в нем. Судьба просторечных семантических и морфемных дериватов в это время тоже только начинает определяться, а потому в словарной практике не наблюдается единства в их стилистической характеристике. Кроме того, некоторые метафорические дериваты не имеют ярко выраженной оценки в связи с тем, что используются для называния предметов быта. Так, одно из значений существительного *баран* в «Словаре Академии Российской» определено следующим образом:

Баран. У простых людей глиняной рукомойник с двумя рыльцами и двумя ушками, за которыя оной вешают [2, т. 1, с. 98].

Ни одно родственных данному существительному слов, зафиксированных словарем, не имеет даже намек

на зооморфную метафору: *бараний* — *барану свойственный, барану принадлежащий; барашек* — *ягненок, молодой баран* [2, т. 1, с. 98]. Все это появится в русском языке значительно позже, но любопытно, что даже словари современного русского языка не фиксируют у слова *баран* значения, связанного с негативной характеристикой человека. Она появляется только в составе устойчивых фраз: *стадо баранов* — *прост.* [5, т. 1, с. 60]; *стадо баранов* — *перен. о тех, кто, не имея собственного мнения, слепо следует за кем-н., разг., пренебр.* [6, с. 36]. Интересно, что фразовые примеры характеристики отдельно взятого человека или группы людей появляются исключительно в связи со вторым значением слова — «самец домашней овцы»: *Глуп, как баран; Как баран на новые ворота (смотрит, уставился: ничего не понимая — разг., пренебр.)*. У первого значения, называющего дикое животное, — «жвачное парнокопытное млекопитающее сем. полорогих с густой волнистой шерстью и изогнутыми рогами // Горный б. Снежный б. (толсторог)» [6, с. 36] — ничего подобного нет.

Данный случай весьма показателен для выявления основных этапов развития оценочных семантических дериватов в русском языке. Во-первых, если такая единица не будет связана с наименованием человека, то оценочного характера у нее не появится. Во-вторых, если у морфемного деривата оценочность появится сразу, то семантический дериват в течение длительного времени существует в составе устойчивой фразы, например пословицы или фразеологизма, и только по прошествии длительного времени у него может появиться способность употребляться отдельно. В указанном выше случае этого, судя по данным словарей, до сих пор не произошло, хотя Национальный корпус русского языка фиксирует значительное количество употреблений данного деривата вне устойчивой фразы, которые появляются уже в XIX столетии:

– Я не того... Ты пойми, ты пойми только, баран ты: я смиренный, сегодня смиренный, завтра смиренный, а потом и не смиренный, срубил — пряжку тебе, и пошел вольнодумец! (Ф. Достоевский. Господин Прохарчин) [7].

В художественных произведениях XX–XXI вв. количество подобных примеров возрастает. Приведем некоторые из них:

Козел ты рогатый! Ты сколько машину водишь, баран! Два года! Ты видишь — гололед! (А. Волос. Недвижимость);

По семь тысяч знаешь кому будешь продавать? А я не баран. Продашь за три... (Р. Арифджанов. Москва азербайджанская) [7].

Аналогичные ситуации характерны для всех случаев зооморфной метафоры.

Так, у слова *свинья* в лексикографических источниках XVIII в. не зафиксировано переносного значения, называющего человека, но наличие прилагательного *свинский* — «неопрятный, гнусный» и наречия *по-свински* — «неопратно, гнусно» [2, т. 5, с. 357] свидетельствует о возможности существования подобного деривата в речевой практике столетия.

У существительного *заяц* в словарях XVIII в. не отмечается ни одного из ныне существующих переносных значений, связанных с таким качеством, как трусость: «трус» и «безбилетный пассажир, зритель» [6, с. 226]. Однако примеры использования данного слова в речевой практике,

представленные в «Словаре русского языка XVIII века», свидетельствуют о том, что значение «трус», скорее всего, существовало у данного слова уже в указанный период:

В сравн. Ты проказлива как кошка, а труслива как заец [2, т. 8, с. 144–145].

У существительного *корова* зооморфной метафоры в словарях интересующего нас периода не отмечено. Зато есть многочисленные суффиксальные дериваты как с уничижительной, так и с ласкательной коннотацией, относящиеся к характеристике животного: *коровенка, коровица, коровушка*. При этом словарь, отмечая специфику использования слова, дает в качестве речевой иллюстрации следующий фрагмент из комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир», где два персонажа по-разному оценивают одну и ту же женщину:

Советник. Она смиренна, яко агнец, трудолюбива, яко пчела, прекрасна, яко райская птица (вздыхая), и верна, яко горлица.

Бригадир. Разве умна, как корова, прекрасна, как бы и то... как сова [2, т. 10, с. 178–179].

Нет никаких сомнений в том, что существительное *корова* в современном русском языке используется в качестве метафорического деривата, негативно оценивающего неуклюжую женщину. Однако в лексикографических источниках по-прежнему указывается такое значение в составе фразы:

этакая корова — перен. о толстой неуклюжей женщине, прост. пренебр. [6, с. 297].

Примеры употребления слова, приведенные Национальным корпусом русского языка, свидетельствуют о том, что в настоящее время при создании зооморфной метафоры иногда актуализируются не только фразеологизмы, связанные с представлением о неуклюжести коровы (*как корова на льду, идет как корове седло, корова на заборе*), но и те, которые представляют корову здоровым существом (*здорова, как корова*):

Нам так не везет. Екатерина вообще никогда не болеет, корова железная. Очень образное мышление. Но толстая (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью).

Дальнейшее развитие семантических дериватов связано с появлением у них собственных словообразовательных гнезд. Например, на базе существительного *ишак* — «перен., прост. человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу» создается глагол *ишачить* — «прост. неодобр. выполнять тяжелую работу» [6, с. 257]; на основе существительного *ворона* — «ротозей» — *воронить*, т. е. ротозейничать [6, с. 97]; зооморфная метафора *лиса* — «о хитром, лукавом человеке, обычно женщине» — стала базой для глагола *лисить* — «хитро льстить» [6, с. 328]; а на базе слова *собака* образован глагол *собачиться* — «браниться, ссориться» [6, с. 739]. Последний пример интересен тем, что словари не фиксируют у слова *собака* значения, связанного с характеристикой человека, однако наличие мотивированного глагола с яркой внутренней формой позволяет утверждать, что в речевой практике оно существует.

Зооморфная метафора изначально отличалась высокой степенью грубости оценки, и, возможно, это тоже явилось причиной ее отсутствия в словарях XVIII в. на фоне использования в художественной литературе, а следова-

тельно, и в разговорной речи столетия. Однако в некоторых случаях она становилась и знаком положительной оценки, как, например, в случае с фразеологизмом *морской волк* — «старый опытный моряк» [6, с. 94], один из компонентов которого представляет собой именно такой дериват. Однако данный пример скорее подтверждает общую тенденцию: зооморфную метафору в просторечии XVIII в. сопровождает негативная оценка. Интересно, что при необходимости образовать зооморфную метафору с положительной оценкой используется такой способ семантической деривации, как метафорическая мотивация [8], которая представляет собой взаимодействие морфемного и семантического типов словообразования. С морфемным словообразованием ее сближает использование аффиксов, а с семантической деривацией — наличие между мотивирующим и мотивированным словам метафорической связи. Такой способ образования использован при создании существительного *лебедушка* — ласкового наименования девушки, чаще — невесты [4, т. 11, с. 129].

Таким образом, группа слов, образующихся в русском просторечии XVIII в. на базе зоонимов, обнаруживает тенденцию к зависимости оценки, возникающей у производного слова, от типа деривации. Морфемная деривация способствует созданию слов как с негативной, так и с положительной оценкой. Использование семантической деривации в подавляющем большинстве случаев приводит к созданию языковой единицы с ярко выраженной отрицательной оценкой. Связано это с яркой образностью нового слова, появлением у него осязаемой внутренней формы. В течение длительного времени новая единица, созданная путем метафорического переноса, употребляется в составе устойчивых фраз, но со временем обретает права самостоятельной лексемы и становится базой для создания новых оценочных средств языка.

1. Сорокин Ю. С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.; Л.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1949. Т. 1. С. 95–160.

2. Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: Императорская академия наук, 1789–1794.

3. Фонвизин Д. И. Недоросль // Русская проза XVIII века. М.: Худож. лит., 1971. С. 223–285.

4. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21 / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л.; СПб.: Наука, 1984–2004.

5. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 14.09.2019).

8. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Учен. зап. Ташкент. пед. ин-та. Ташкент: Изд-во Ташкент. пед. ин-та, 1975. Т. 143, вып. 1. С. 53–57.

© Щербакова Н. Н., 2019